

З а п р а в к а . Д а н и я

– Форбэнеде йодебранере!¹ – прорычал Ян и зло ткнул сигаретой в пепельницу.

Я понимал, что ругательство относится не ко мне, а к черному «форду» с немецкими номерами, маячившему впереди нашей «тойоты». Понимал, но все равно съезжился на переднем сиденье, стараясь стать как можно меньше и незаметнее.

– Ты не у себя в Германии, сука! Это полоса для обгона, так чего тащишься, будто у тебя кишки на колеса намотаны? Нет, ну ты нарочно издеваешься, говнюк, или как?! – Ян продолжал поносить «сжигателя евреев», мешая датские, русские и польские выражения. Ему не нравились немцы, хотя они составляли большинство его клиентуры. И не потому, что он сам был евреем. Насколько я знал, в жилах Яна текла литовская и польская кровь. Взрывоопасная смесь. И сам он такой, Ян. Взрывоопасный, непредсказуемый и тяжелый на руку.

Черный «форд» наконец перестроился вправо. Ян прибавил газу и глубоко затынулся. Я облегченно пошевелился, расправляя затекшие в неудобной позе плечи. Зря. Обо мне тут же вспомнили:

– Налей-ка мне кофе.

Я торопливо нагнулся за валяющимся в куче старых чеков и пакетов из-под чипсов термосом. Отвинтил крышку и стал аккуратно наливать дымящийся напиток в стальную кружку. Руки у меня не дрожали. Почти. Внезапно Ян тормознул, выругавшись. Термос дернулся, и кофе выплеснулся мне на колени. По светлым джинсам расплылось уродливое бурое пятно.

¹ Forbændede jødebrandere! – Проклятые сжигатели евреев! (Дат.). – Здесь и далее примечания автора.

– Придурок! Даже кофе нормально налить не можешь!

Затрещина заставила меня дернуться вперед. Я едва не выронил термос. Горячая жидкость выплеснулась из чашки, зажатой в другой руке, прямо на пальцы. Я стерпел, закусив губу.

– Посмотри на джинсы! – разорялся Ян, пока я молча пытался надеть на кружку пластиковую крышечку. – Все в пятнах! Быку это не понравится. Еще подумает, я о тебе не забочусь. Разве я о тебе не забочусь, а, ублюдох неблагодарный?

– Да... То есть нет... То есть... – лепетал я в ответ, вжимая голову в плечи. От страха я оступел. Мысли скакали в голове, как кости в стаканчике, который трясет отчаявшийся игрок. Наконец из меня вывалилось что-то вмятое. – Я могу замыть пятно в туалете.

Ян фыркнул и забрал у меня кофе. Осторожно, чтобы не обжечься, отпил глоток и скривил обветренные губы.

– Хочешь, чтоб я привез тебя не только грязным, так еще и мокрым?

Я помотал головой и тихонько отполз на дальний край сиденья, пока бок не прижался к двери с поцарапанной обшивкой. Вместо удара на бедро шлепнулась тряпка.

– Вот, затри лучше.

Я послушно принялся возить тряпкой по пятну. Без особого успеха. Но Ян уже забыл про меня. С облаком дыма из его рта вылетела новая матерная тирада – на сей раз в адрес автопоезда, груженного крыльями для ветряных мельниц. За ним уже образовалась очередь из легковушек, ждущих возможности для обгона. Кажется, мы опаздывали. Я не знал, куда мы ехали и когда должны были оказаться на месте, но не задавал вопросов. От этого Ян давно меня отучил.

Я смотрел в окно. За грязным стеклом, полосатым от дождевых дорожек, тянулась однообразная буро-зеленая равнина, кое-где перекрещенная черточками лесополосы или размеченная белыми пятнышками фермерских домов. У самого горизонта тонкие стальные крылья ветряков

скребли низко висящие тучи. Я читал в одной книге, давно, что мельницы опасны для птиц, особенно крупных хищников. Орлы не видят надвигающиеся лопасти во время полета, и их просто перерезает пополам. Я представил себе зеленую даже зимой траву у подножия белых башен, усеянную перьями и забрызганную птичьей кровью.

В глаза ударил желтый свет мигалки машины сопровождения. Мы наконец обогнали тягач с прицепом и понеслись вперед. Мотор старенькой «тойоты» натужно ревел, Ян матерился, роясь в пачке «Принца»: у него кончились сигареты.

Он свернул у первого же указателя заправки. Сунул шланг с девяносто вторым в бок «тойоты» и потрусил к небольшому магазинчику, на ходу нажав кнопку на брелоке. Как обычно, я остался в запертой машине. От нечего делать сидел и глазел по сторонам. Смотреть было особо не на что. Рядом заправлял белый «гольф» седой старикан с крючковатым носом. Он ежился на ветру в тонкой курточке, руки в коричневых пятнах покраснели. Заметив мой взгляд, старик улыбнулся голубоватыми губами и подмигнул. Горло перехватило, подступила тошнота. Я сполз вниз по сиденью. Глаза оказались на одном уровне с нижней границей дверного стекла. И тут я заметил это. Дверь была не заперта.

Несколько мгновений тупо моргал, соображая. Ведь я точно видел, как Ян заблокировал замки. В башке медленно замерцало воспоминание. Ева, кажется, разорвалась вчера насчет машины – даже с чердака я слышал, как она орала во дворе по-литовски. Ян потом возился с замками, пока не стемнело. Наверное, думал, что все починил. Но, видно, не совсем все.

Я приподнялся на сиденье и вытянул шею. Через витрину магазина Яна не было видно, зато я разглядел в углу за полками, уставленными канистрами с омывайкой, неброскую дверь с табличкой WC. «Хоть бы его разобрал понос с Евиной стряпни», – подумал я, тихонько пробуя хромированную ручку. Дверца с легким щелчком подалась.

На меня повеяло промозглым холодом. Глаза скользнули за асфальтированный пяточок парковки. Там, по другую сторону глубокой сточной канавы, шло поросшее невысокой травой, продуваемое всеми ветрами поле. Но немного левее и дальше вдоль откоса топорщились кусты, переходящие в прозрачный лесок.

Я сглотнул. Слюна царапнула пересохшее горло. Рядом взревел мотор, и я чуть не наделал прямо в штаны. Но это всего лишь вырулил с заправки белый «гольф». Я снова обшарил взглядом магазинчик за стеклом, напоминавший залитый ярким светом аквариум. Продавщица в форменной футболке пялилась в телик, задумчиво кидая в рот печенье, выставленное на прилавок по случаю скорого Рождества. Она походила на присосавшегося к стеклу ленивого толстого сомика. Ян все еще заседал в сортире. Я точно не мог посмотреть его за редко расставленными стеллажами.

До боли сцепив зубы, я толкнул дверцу от себя. Выскользнул в образовавшуюся щель и быстро присел за капотом машины. По подъездной дороге к заправке приближалась расписанная яркими фруктами фура. «Водителю наверняка покажется странным прячущийся за машиной мальчишка, – мелькнуло у меня. – Еще решит, что я вор или угонщик. Схватит за шиворот и отволочет в магазин. Или вызовет полицию. И неизвестно, что хуже». Хотя нет, известно. Ян был знакомым злом. Очень близким. И очень реальным.

Дрожащими пальцами я потянул дверцу «тойоты» на себя, готовый закатиться обратно на сиденье. Притвориться, будто ничего не случилось. Будто и не приходила в голову дурацкая мысль о побеге. Но дверца не подалась. Удивленный, я дернул ее посильнее. Блин, заперто! Проклятый замок внезапно решил сработать.

Застонав от отчаяния, я высунул голову над капотом. Широкая, обтянутая черной кожанкой спина Яна маячила у прилавка. Продавщица-сомик оторвалась от экрана и тащила в щипцах длинную желтую сосиску: ей заказали хот-дог. Это давало мне от силы минут пять.

Пригнувшись, я рванул через заправку, едва не угодив под фруктовую фуру. К счастью, водитель не стал сигналить. Просто высунулся из окна и проорал что-то вслед. Дождь кончился, но воздух был все еще тяжелым от влаги. Волосы от нее тут же намокли и прилипли к лицу – или это от пота? С меня лило, хотя изо рта валил пар. Сердце бешено колотилось в ребра, дыхание драло судорожно сжавшееся горло. Ноги разъезжались на мокрой траве. Я молился только об одном – чтобы не споткнуться и не подвернуть лодыжку. Молился неизвестно кому – прыгавшему перед глазами серому небу, ворону, усевшемуся на дорожный знак, неведомому, но милосердному богу, сломавшему замок, вынудившему Яна просратья, а потом заправиться хот-догом.

Канаву я преодолел на четвереньках, хватаясь по пути наверх за пучки режущей ладони осоки. Бросился в кусты, хлестнувшие голыми ветками по лицу. И тут сзади послышалось хлопанье двери и разъяренный рев: Ян обнаружил наконец мое отсутствие.

Я подпрыгнул, как подстреленный заяц, и повалился на землю. Уткнулся носом в палую листву и пополз, пачкая джинсы и куцую курточку, совершенно не рассчитанную ни на зимнюю погоду, ни на игры в казаки-разбойники. В голове билась одна мысль, каленым железом выжженная в извилинах: «Если Ян поймает, точно убьет. Только сперва еще поиздевается. Так что нельзя попадаться. Нельзя попадаться. Нельзя...» Казалось, взмокшей спиной и затылком я чувствовал, видел, как Ян коротко спрашивает обо мне водителя фуры, как раздраженно шагает вдоль канавы, закусив в зубах сигарету, высматривая мои следы. Как разглядывает смятую траву, хмурясь, выдыхает дым и орет.

– Денис! – он произнес мое имя на здешний манер, с ударением на первый слог. – Денис! – И добавил кучу слов на датском. Наверное, для шофера грузовика, который еще не уехал. Потом перешел на русский, уже не стесняясь. – Лучше сам выходи, говнюк! Даю тебе последний шанс. Не выйдешь, я тебя найду! Отвезу к быку, а потом так измордую,

что родная мать не узнает. Если бы она у тебя, выбл*дка, была.

Я беззвучно всхлипнул и начал закапываться в листву. Осторожно, медленно. Гул скоростного шоссе заглушал шорохи. Я понимал это умом, но дрожащее запуганное существо внутри меня, которое я так ненавижу, не сомневалось, что Ян слышит все и медлит, только чтобы растянуть удовольствие. Это существо было готово тоненько завизжать от ужаса и опустошить мочевой пузырь в превратившиеся из голубых в черные джинсы. Но я заткнул ему рот. Я забросал себя тяжелыми мокрыми листьями. Зарылся носом в пахнущую перегноем и улитками землю.

Где-то с треском резким, как выстрел, сломался сучок. Сердце на миг замерло, а потом сорвалось с места в карьер, застучало, как колеса несущегося под откос локомотива. «Ян наверняка услышит его. Не может не услышать!» Из горла рвался крик. Я открыл рот и стал жрать землю, загоняя вопль обратно. Я вцепился в землю пальцами, ломая ногти. Яну пришлось бы выдрать меня с корнем, чтобы сдвинуть с места.

Кровь стучала в уши звуком знакомых шагов. Громче. Ближе. К жирному запаху прели и дождя примешалась табачная вонь. Зажмурившись изо всех сил, я чувствовал, как между ног сочится позорное тепло. Я все-таки обоссал штаны.

– Где ты, малыш? – раздалось, кажется, прямо над головой. – Раз, два, три, четыре, бл*дь, я иду искать.

Я ощущал, как пружинила земля от его шагов. Я дрожал и ничего не мог с этим поделать. «Теперь-то Ян заметит меня, точно заметит!» Но он прошел мимо. Шорох листвы и потрескивание веток удалились. Какое-то время я еще чувял дым его сигарет, слышал его голос. Минуты? Часы? Лежал, уткнувшись лицом в землю, боясь пошевелить даже мускулом, боясь поглубже вздохнуть. Мне все чудилось, что Ян специально притаился где-то поблизости и прыгнет ногами мне на спину, едва выдам себя. Прыгнет и переломит хребет, как котенку.

Я поднял голову, когда уже почти не чувствовал собственного тела. Сначала испугался: показалось, что ослеп. Но потом понял, что вокруг просто стемнело. Фары пронесившихся по шоссе машин скользили желто-голубыми призраками среди тонких стволов. Вглядываясь в пляску теней, я старался разглядеть среди них черный массивный силуэт. Но там никого не было. Я почти не мог поверить в это. Ян ушел. Ушел без меня.

Я сел, и в мое замерзшее тело вцепился пронизывающий до костей ветер. Дрожь была так, что зубы громко клацали во рту. Сжать челюсти не удавалось. Впервые я задумался о том, что буду делать дальше. И понял, что не знаю. Мне шел четырнадцатый год. Я находился в чужой стране, язык которой едва понимал. Последние полтора года я ел, спал и дышал с позволения человека, которого теперь не было рядом. Который забил бы меня насмерть, если бы нашел. А он будет искать. Он такой, Ян.

Кафе. Литва

Я достался Яну дешево. Наверное, потому, что Игорь получил меня вовсе бесплатно. Бонусом к обчищенной квартире, в которой я сидел, голодный и зареванный, когда хозяин вернулся из очередного рейда за подержанными иномарками в Литву. Мать ушла, прихватив Игорев ноутбук и штуку баксов, приклеенную под диваном, и оставив меня за запертыми двойными дверями. Когда в замке наконец повернулся ключ, я как раз раздумывал над тем, какая смерть лучше – от голода или банки майонеза, срок годности которого истек еще в прошлом году.

В общем, надо отдать Игорю должное. Другой при таком раскладе выместил бы злость на нежеланном кукушонке, а потом выкинул его на улицу. Но мамин сожитель – уже, правда, бывший – метнулся в магазин за макаронами и сосисками. И только накормив до сытой икоты, стал выпы-

тывать местонахождение родительницы, а соответственно и штуки зеленых. К сожалению, оно так и осталось тайной, покрытой мраком, для нас обоих.

Несколько месяцев Игорь терпел у себя чужого ребенка. Возможно, надеясь, что в женщине, с которой почти год делил постель, если не заговорит совесть, так проснутся материнские чувства, и она вернется за своей собственностью. Я продолжал ходить в школу – когда не прогуливал. Помогал возиться с пригнанными на продажу машинами. Даже макароны варил. И когда Игорь предложил взять меня в очередную поездку, как раз совпавшую с зимними каникулами, я не заподозрил неладного. Радостно закинул сумку с нехитрым барахлишком в раздолбанную «ладу», где уже сидело трое приятелей-перегонщиков: наконец-то будет о чем рассказать в школе в начале новой четверти. Ведь Игорь обещал показать мне Каунас!

Не насторожило меня даже то, что я внезапно оказался племянником, которого Игорь везет к родственникам на каникулы. А что? Эта история спасала меня от упоминания о маме, которая собиралась так быстро, что забыла в квартире собственного сына. Вот такой вот «Один дома» по-русски. На погранконтроле «дядю» с «племянником» пропустили без проблем. Не знаю, сколько стоили Игорю поддельные доверенности: в одиннадцать как-то не задумываешься, откуда у тебя берется загранпаспорт.

В Каунасе я подробно осмотрел только одну достопримечательность – тамошний авторынок. Протаскав меня по нему до вечера, Игорь отделился от товарищей и повел меня в кафе. Пока я с восторгом уплетал первый в моей жизни гамбургер, к нам за столик подсел «дядин» знакомый. Он сразу мне не понравился: тяжелый взгляд из-под узкого лба, короткая «тюремная» стрижка, словно приклеенная к углу рта вонючая сигарета и огромные руки с вросшими в пальцы желтыми ногтями. «Дядя Ян» со мной даже не поздоровался, разговор вел только с Игорем. Но я все время чувствовал на себе его давящее внимание, причины

которого не понимал, а потому ужасно смущался. Я чавкаю? Или заляпался кетчупом? Может, слишком громко сосу колу через соломинку?..

Наконец Игорь засобирился и велел мне сходить в туалет на дорожку. Я сказал, что не хочу.

– А ну дуй в сортир, пацан! – Ян взглянул прямо мне в глаза, и что-то в его голосе заставило меня взвиться со стула. – А то вон сколько колы высосал. Потом еще возись с тобой.

Я послушно пошлепал в сторону двери с буквой «М». Открыл ее и тут же выскочил обратно, как ошпаренный. Внутри поросенково-розовая жирная тетка подтягивала перед зеркалом пятнистые лосины. При виде моего замешательства Ян громко гоготнул и ткнул пальцем в соседнюю дверь с буквой «V». Игорь улыбнулся как-то кривовато и натянуто, но кивнул. Я осторожно сунулся туда и с облегчением рванул к ряду писсуаров. Но на этом мои туалетные мучения не закончились.

Мама приучила меня всегда мыть руки после того, как справлю нужду. Но как можно это сделать, когда кран сломан? А он, конечно, сломан, раз на хромированном носике нету крантика, который можно было бы повернуть. Странно вообще-то, потому что в туалете чисто и даже не пахнет ничем, кроме цветочного освежителя. Я внимательно осмотрел раковину в поисках скрытых кнопок, на всякий случай даже ощупал весь кран и наконец засунул под него голову, чтобы лучше разглядеть снизу. Теплая вода брызнула прямо в лицо. Я испуганно взвизгнул и отпрыгнул, тряхинаясь, как собака.

Когда я наконец вышел из туалета, кое-как вытершись бумажным полотенцем, Игоря за столом не оказалось. Ян уставился на меня, лениво кидая в рот остывшую картошку фри. Я завертел головой по сторонам. Может, Игорь тоже пошел отлить и ошибся дверью? Да нет, он же не такой дурачок, как я. Тогда где он?

– Игорь ушел, – спокойно сообщил Ян. Выбрал толстыми пальцами палочку картошки поподжаристой и захрустел ею, не сводя с меня темных холодных глаз.

Я не знал, что сказать. Опустил взгляд и заметил свою сумку, сиротливо приткнувшуюся под столом у ног Яна. Зачем она здесь?

– А когда вернется? – без особой надежды выдавил я.

– Никогда.

Еще одна картошка отправилась в рот. Я пялился на зубы Яна – очень неровные, наседающие друг на друга, будто им не хватало места на слишком узкой челюсти.

Почему-то я сразу поверил. Не стал плакать, истерить, сыпать ненужными вопросами. Просто тихо опустился на стул и уставился на торчащие из-под бумажной скатерти ручки потасканной спортивной сумки. Если родная мать бросила меня без всяких объяснений, почему бы это не сделать чужому человеку? Который совершенно ничем мне не обязан? Игорь хотя бы не запирает меня в квартире с пустым холодильником. Наоборот, накормил до отвала и оставил со своим... Кстати, а почему Ян все еще здесь? Не холодной же картошки ради?

Я робко поднял на него глаза. Ян будто этого и ждал.

– Ты теперь мой.

Я думал, что ослышался. Но нет, он так и сказал. Не «Ты теперь со мной», а «Ты теперь мой». И это мне не понравилось. Следующие слова не понравились еще больше.

– Я заплатил за тебя. Тысячу евро. Ты мой, пока не отработаешь то, что я на тебя потратил.

Если честно, в этом даже была некая справедливость – примерно так рассуждал я тогда. Игорь потерял на мне тысячу. Логично предположить, что он захочет ее вернуть, так или иначе. А что меня оценили в евро, так это тоже нормально – инфляция.

– Мне нужно будет продавать машины? – спросил я, уже смиряясь со своей участью.

Ян даже не ухмыльнулся.

– Нет. Кое-что другое.

Он щелкнул пальцами и сунул подбежавшему официанту мятую купюру.

– Твой долг только что вырос на пять евро, – уведомил меня, поднимаясь из-за стола, новый... Кто? Дядя? Хозяин?

«Это что, мне еще и за все съеденное отрабатывать придется? – тоскливо подумал я, закидывая сумку на плечо и вываливаясь из теплой кафешки на мороз. – И чего было столько жрать? Подумаешь, гамбургер. Булка с котлетой она и есть булка с котлетой».

Яну принадлежала неброская «ауди», цвет которой я не смог точно определить из-за темноты. Я сразу прилип носом к стеклу, но меня ждало разочарование: фонари и неоновые вывески ничем не отличались от тех, к каким я привык в родном городе. Разве что здесь они были на непонятном языке.

– А куда мы едем? – спросил я, с трудом подавляя зевок.

Ян не спеша сунул в рот сигарету и закурил.

– Когда я был пацаном вроде тебя, отец мне говорил: детей должно быть видно, но не слышно. И если я раскрывал рот, он бил в зубы. Ты хочешь в зубы, сопляк? – Он повернулся ко мне, и по прищуренным глазам я сразу понял: новый «дядя» не шутит. Может, он вообще не умеет шутить.

Я молча затряс головой, и Ян удовлетворенно выдохнул дым прямо мне в нос.

– Молодец. Быстро схватываешь.

А потом мы куда-то свернули, и я заметил большую мигающую надпись, ярко-розовую и будто висящую в черном замерзшем воздухе: HOTEL.

Звездное небо надо мной. Дания

Я постарался как можно быстрее уйти от шоссе. Все казалось, что Ян поджидает меня где-то на обочине с погашенными фарами. И как только выйду на свет, включит мотор, разгонится и размажет по асфальту, будто заблудившегося в темноте ежика. А машины так и будут проноситься мимо – прямо по моим кровавым кишкам.

Поэтому я попер напрямик – через поля. Ночь была лунная – ветер разогнал тучи, земля ровная – цивилизация. Так что опасаться следовало только дренажных канав и низких изгородей под током. На одну такую проволоку я все-таки напоролся – слишком поздно заметил тусклое поблескивание металла. Оказалось, я очень высоко могу прыгать на одной ноге, одновременно выражая свои эмоции в стиле Яна. Зато хоть согрелся немного. Температура вроде была плюсовая, но когда на тебе только тонкая влажная курточка, которую продувает насквозь, то кажется, что дубак жуткий.

Сначала я часто оглядывался и дергался от каждого шороха, а когда где-то совсем рядом заухала сова, чуть снова не обмочил штаны. Думал, это Ян хохочет, издевается. Но постепенно до меня дошло, что никто за мной не гонится – по крайней мере, пока. Вместо того чтобы оглядываться через плечо, я стал посматривать на окружающее, все чаще и чаще.

Луна висела низко над головой огромным круглым подносом. Крупные звезды мерцали, будто нашитые на черную бархатную скатерть блески. Я легко нашел ковшик Большой Медведицы, но больше никаких созвездий припомнить не смог. Шел по распаханному полю и пялился в бесконечную глубину, будто бы заключившую меня в себя. Кто знает, может, на самом деле я не черный жук, ползущий по черной земле, а такая же сияющая яркая точка – все зависит от того, откуда посмотреть.

И вообще, удивительное, оказывается, существо человек. Вот и колотит его, как бы ни втягивал голову в плечи и ни обхватывал себя руками, и в желудке уже давно сосущая черная дыра, а он бредет себе, и его от звездочек штырит. Хотя это как раз, может, и понятно. Последние полгода мой личный пейзаж был заключен либо в раму заляпанного стекла автомобиля, либо – чердачного окошка, из которого зябко тянуло сквозняком. С чердака я видел лоскут неба над мохнатой бахромой елок, разгораживающих лысые поля; покрытый непросыхающими лужами двор, заросший сорняками огород и изгиб проселочной дороги, по которой